

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42

Бурцев Владимир Анатольевич

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
Россия, 399770, Елец, ул. Коммунаров, д. 28
ivburcev@yandex.ru

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ДИСКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ ПОВЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В настоящей статье рассматривается употребление повелительных предложений в русской православной проповеди. В таких предложениях грамматикализовано их характерное функционирование в роли высказываний, предназначенных для выражения психологического состояния говорящего. Однако в проповеди их употребление характеризуется тем, что значение высказывания как речевого акта не зависит от локутивной деятельности говорящего субъекта речи. Данное явление трактуется как асубъективация, подчинение говорящего, который выступает в качестве носителя некоторой чужой точки зрения, доминирующей над его собственной. Исследуются условия асубъективации, регулирующие такое подчинение. В их числе рассмотрены референциальные условия: а) все неутверждаемые предикации в составе предложения и выражающие их сентенциальные группы обладают свойством референции независимо от говорящего субъекта речи; б) в основе референции неутверждаемых сентенциальных групп лежит их способность быть замененными на другие, эффект значения дают не сами единицы, а их соотношение; в) в качестве замены могут выступать только определенные выражения, значение неутверждаемой сентенциальной группы не может быть произвольным. В статье показано, что асубъективация напрямую связана с тем, что язык проповедей представляет собой дискурс. В употреблении подобных предложений в дейктическом режиме, невозможном для дискурса, асубъективации не наблюдается. Асубъективация в высказываниях предложений, уже имеющих в поверхностной структуре иллюкутивный глагол, обоснована перформативной гипотезой. Перформативные структуры отражают семантические структуры повелительных высказываний в проповеди и отклонения от них. Значение речевых актов повелительных предложений в проповеди определяется на основе императивных правил вывода: удовлетворительности и субъективной обоснованности. Обнаружено, что в результате асубъективации повелительные предложения употребляются в проповеди идиоматично — в качестве косвенной просьбы/совета — и не могут употребляться неидиоматично со значением прямого требования/приказа. В связи с эффектом асубъективации повелительные предложения трактуются как прекопструкты. Представленные примеры отражают выборку, которая охватывает весь класс повелительных предложений в проповеди. Библиогр. 42 назв.

Ключевые слова: асубъективация, высказывание, повелительное предложение, дискурс, проповедь, говорящий субъект речи, прекопструкт, иллюкутивное значение, референция.

THE PROBLEM OF SUBJECTIVITY IN A DISCOURSE IN TERMS OF IMPERATIVE SENTENCES

This article discusses the use of imperative sentences in the Russian Orthodox sermon. In such sentences, we observe the phenomenon of grammatizing their typical functioning which is a means of expressing the psychological state of the speaker. However, their use in preaching is characterized by the fact that the meaning of the utterance as that of a speech act does not depend on the locative activity of the speaker. This phenomenon is seen as asubjectivation, or the submission of the speaker, who acts as a bearer of someone else's point of view that dominates him. The article studies the conditions of asubjectivation that regulate such submission. They include referential conditions: a) all non-confirmed sentence predications and sentential groups expressing them are referential irrespective of the speaker; b) referential properties of non-confirmed sentential groups are based on the fact that they can be replaced by other groups, as the meaning is conveyed not by the speech units but by their correlations; c) only specific expressions can be used to replace other units, and the meaning of non-confirmed sentential groups cannot be arbitrary. The article shows that asubjectivation is directly related to the fact that the language of the sermon is a discourse. The use of such sentences in a deictic mode, which is not possible in a discourse, shows the absence of asubjectivation. Asubjectivation seen in sentences that have an illocutive verb in their structure is explained by the performative hypothesis. The meaning of imperative sentences in a sermon is defined on the basis of peremptory rules of satisfaction and subjective justification. It has been found that as a result of asubjectivation, in a sermon, imperative sentences are used idiomatically — as an indirect request /piece of advice and cannot be used non-idiomatically as a requirement / order. Refs 42.

Keywords: asubjectification, saying, imperative sentence, discourse, sermon, speaking subject of an utterance, preconstruct, illocutionary meaning, reference.

Введение

Мы исследуем употребление повелительных предложений в дискурсе, в частности в дискурсе русской православной проповеди. Конкретному анализу подвергаются повелительные предложения, которые включают императивные формы глагола типа (1) *Готовьте свои души к вечной жизни...* [Николай, митр. 1954, с. 65].

В таких предложениях грамматикализовано их характерное функционирование в роли высказываний, предназначенных для выражения психологического состояния говорящего, т. е. его волеизъявлений, желаний, приказаний [Апресян 1995, с. 149; Русская грамматика, т. I 1980, с. 110; Храковский 1990, с. 187; Лайонз 2003, с. 208; Хилпинен 1986; Гусев 2005, с. 25]. Однако в настоящей работе мы попытаемся обосновать гипотезу о том, что по крайней мере в дискурсе русской православной проповеди иллокутивное значение высказываний¹, построенных на грамматической базе повелительных предложений с императивными формами, не зависит от намерений говорящего; не зависит в том смысле, что говорящий субъект речи²

¹ В соответствии с работами [Падучева 1985; Падучева 1996; Лайонз 2003; Блох 1977; Кифер 1985] в данной статье развивается идея описания семантики предложения, функционирующего как высказывание (см., например [Падучева 1985, с. 4]). Высказывание в этих работах определяется как контекстуально-зависимая форма конкретного предложения [Лайонз 2003, с. 51; Кифер 1985, с. 334]. Мы будем использовать термин «высказывание» как более узкий: это содержание конкретного предложения, которое говорящий может высказать в данной ситуации.

² Далее везде под «говорящим субъектом речи» понимается автор локутивного акта, который берет на себя ответственность за истинность утверждаемой пропозиции [Падучева 1996, с. 263]; во ФШАД используется термин «субъект высказывания».

выступает как носитель некоторой чужой точки зрения, доминирующей над его собственной. Исходя из этой гипотезы принималось решение об отборе источников языкового материала. Мы не сомневаемся, что проповеди представляют единообразие в отношении указанной гипотезы. Проповеди разных авторов содержат материал одного и того же характера. Поэтому такие критерии отбора текстов, как степень священства авторов, их роль и авторитет в церкви как пастырей и проповедников, а также ряд других, связанных с языковой личностью, не учитывались. Эти критерии невозможно лингвистически обосновать применительно к образованию высказывания в дискурсе. Представлялось важным: а) чтобы тексты охватывали весь период современного русского литературного языка, б) чтобы они демонстрировали нейтральность языка проповеди по отношению к различию между устной и письменной речью. Эти два критерия соблюдены.

В качестве отправного пункта в данном исследовании используется теория французской школы анализа дискурса (ФШАД) [Квадратура смысла 1999]. Данная теория рассчитана на выявление референциальных различий в пропозициональных компонентах предложения, отличающихся по характеру высказывания — ассерциях и неассертивных компонентах. Изучается корреляция локутивной деятельности говорящего субъекта речи с этими пропозициональными компонентами. В качестве родового для этой корреляции во ФШАД предлагается термин «а(ад)субъективация» говорящего [Серио 1999б, с. 369].

Анализ высказываний в терминах асубъективации — возможная (принципиально подчеркиваемая теорией ФШАД (см. [Серио 1999а, с. 16]) альтернатива точке зрения Э. Бенвениста [Бенвенист 2002], а также и других (например, [Якобсон 1972]), которые считают, что высказывание целиком проникнуто субъективностью. В п. 1 будет коротко рассмотрено понятие асубъективации и смежные с ним концепты ФШАД (преконструкт, интердискурс и др.). В пунктах 2–3 будет показано, что семантика и употребление повелительных предложений в дискурсе русской православной проповеди регулируется асубъективацией³.

1. Понятие асубъективации

Понятие асубъективации формулируется во ФШАД следующим образом: это «подчинение субъекта высказывания универсальному субъекту, имплицитованному преко́нструкцией термов, из которых строится высказывание» [Серио 1999б, с. 369–370]. Понятие подчинения опирается на два условия. Во-первых, в синтаксической структуре предложения все предикации и выражающие их «сентенциальные группы» (СГ) рассматриваются одинаково — как высказывания, что указывает на то, что неутверждаемые СГ обладают свойством референции независимо от говорящего. Во-вторых, в основе референции неутверждаемых СГ лежит их способность быть замененными на другие, а именно — эффект значения дают не сами единицы, а их соотношение [Анри 1999; Степанов 1995]. Рассмотрим эти условия более подробно.

³ Употребление повелительных предложений в русской православной проповеди в терминах асубъективации рассмотрено в работе [Бурцев 2012]. В данной статье сделан акцент на описании условий асубъективации.

Стандартное объяснение референции СГ состоит в том, что референты любых СГ и выражаемые ими пропозиции соотносятся с действительностью по воле говорящего [Падучева 1985, с. 101; Лайонз 2003, с. 310]. Между тем во ФШАД считается, что возможность высказывания предложений, оформленных как неутверждаемые СГ, принадлежит не говорящему, а «другому» субъекту речи [Серио 1999а, с. 23; Отье-Ревю 1999, с. 54] — субъекту «рассказанной или пересказанной речи» [Греймас, Курте 1983, с. 507]. Так, предложение (2) *Он гол как сокол* имеет семантическую структуру, подобную (2'): (2'а) *Он гол*; (2'б) *Сокол гол*. Говорящий делает утверждение только в отношении предикации *Он гол*, так как именно она маркирована по времени и модальности. Что касается предикации *Сокол гол*, то ее высказывание (для того, чтобы сделать утверждение) требует уже другого субъекта [Серьо 2003]. Таким образом, вывод о подчинении говорящего делается на основании того, что в высказывании имеются предикации, не маркированные говорящим по модальности и времени.

Второе условие состоит в том, что референтность является смысловым эффектом, который возникает из-за возможности синонимических замен [Анри 1999]. Согласно [Анри 1999, с. 168], в конкретном высказывании референтный характер языковому выражению придает тот факт, что в этом высказывании оно может быть заменено на другое, а не то, какова его внутренняя характеристика в качестве обозначающего выражения. В примерах (3а–б) продемонстрировано это условие. Демонстрация состоит в том, что в (3а) позиция сравнительного оборота соотносится с аналогичной позицией этой же словесной формы без сравнительного союза. Это позиция сравнительной конструкции в аспекте констатации [Ломтев 1958, с. 144]. В примере (3б) показана позиция сравнительной конструкции в аспекте различения и сравнения [там же]. То есть актуальная референция сравнительной конструкции в (3) обоснована отношением синонимии.

- (3) *Христиане должны во всех обстоятельствах представлять себя, как Божиим слуги...* [Менетров, свящ. 1905, с. 181].
- (3а) *Христиане должны во всех обстоятельствах представлять себя Божиими слугами...*
- (3б) **Христиане должны во всех обстоятельствах представлять себя (не Божиими слугами, т. е. не являющимися Божиими слугами), а как Божиим слуги...*

Дополнительно примеры (3а–б) показывают, что, находясь в приглагольной позиции, сравнительная конструкция может иметь двузначный характер [Ломтев 1958, с. 146]. Другими словами, асубъективация должна подчиняться еще и третьему условию: в качестве замены могут выступать только достаточно определенные выражения, поэтому и значение неутверждаемой СГ не может быть произвольным [Анри 1999, с. 170; Степанов 1995, с. 53], каким оно всегда является, если связано с мнениями и предположениями говорящего.

Таким образом, во ФШАД предлагается объяснение тех особенностей акта высказывания, основанных на специфической роли «говорящий субъект речи», которые связаны с определенными языковыми формами и семантическим эффектом их синтаксического включения. В этой связи вводится новое понятие — «преконструкт». Показано, что преконструкты нельзя анализировать как пресуппозиции

[Серио 1999а, с. 39–40]. В преконструктах есть референциальная зависимость от другого субъекта, и они являются выражениями сентенциального типа в составе предложения. Канонические случаи преконструктов — «фактографические» номинализации [Серио 1999б, с. 350], как, например, номинализация *воскресение* из (4) **Воскресение** нашего Спасителя есть основа нашего спасения [Шумов, прот. 1903, с. 76]. На примерах (4а–4б) можно показать, что преконструкты исключают анализ высказывания через локутивную деятельность говорящего субъекта речи.

(4а) *Наш Спаситель воскрес, и это есть основа нашего спасения.*

(4б) **Наш Спаситель воскрес 5 апреля 33 года нашей эры, и это есть основа нашего спасения.*

Пример (4б) трактуется как включение обстоятельственных показателей времени (*5 апреля 33 года нашей эры*), т. е. как утрата перфектного значения у глагола совершенного вида [Падучева 1996, с. 154]. Предполагается, что включение обстоятельственных показателей времени в качестве средств дейктической темпоральности отражает субъективность высказывания. Употребление в проповеди (4б) неприемлемо⁴, так как распространительное отношение детерминировано миропредставлением говорящего⁵. Другими словами, локутивная деятельность говорящего разрушает приемлемость высказываний данного предложения в проповеди. Наоборот, (4а) приемлемо, так как распространительное отношение мотивировано интердискурсом. Интердискурс трактуется во ФШАД как особого рода контекстуальная информация, связывающая высказывание с действительностью⁶.

В традиции ФШАД описание референциальных отношений в акте производства высказывания распространяется только на дискурс. Согласно работам [Серио 1999б; Анри 1999; Пешё, Фукс 1999], дискурс — конструируемое, а не эмпирическое, типа речи или коммуникативного события [Арутюнова 1990], образование, которое конституируется корпусом высказываний, тождественных в отношении восприятия информации и описания действительности. С этой точки зрения проповеди — дискурс [Бурцев 2012]. Поэтому можно предположить, что представленные ниже примеры, обнаруживая определенные закономерности употребления предложений, проецируются на все множество повелительных высказываний, возможных в проповеди. Вопрос о том, распространяется ли гипотеза на другие тексты (кроме священных), обслуживающие религиозную сферу современной коммуникации, является нерешенным.

⁴ «Приемлемым является высказывание, которое произведено или могло быть произведено носителем языка в некоторой подходящей обстановке и признается или было признано другими говорящими в качестве принадлежащего данному языку» [Лайонз 1978, с. 150].

⁵ Пример такого же типа за пределами дискурса является абсолютно приемлемым: *Прогулка принесла детям пользу → 12 декабря после завтрака дети гуляли, и это принесло им пользу.*

⁶ Ближе всего интердискурс стоит к идеологии. Согласно [Серио 1999а, с. 20], «в самом широком смысле “идеология” означает любой языковой и — еще шире — любой семиотический факт, который интерпретируется в свете социальных интересов».

2. Повелительные высказывания в дискурсе проповеди

2.1. Употребление повелительных предложений в речевых актах в дискурсе проповеди

Сложность аргументации асубъективации говорящего при производстве повелительных высказываний заключается в особенностях грамматической структуры повелительных предложений. По своей грамматической структуре они принадлежат к классу предложений, которые в типичном случае употребляются для того, чтобы говорящий выразил свою волю (к осуществлению определенного действия слушающим) [Лайонз 2003, с. 53, 266]⁷. И все-таки нам представляется, что для дискурса проповеди более адекватен подход, признающий факт асубъективации в акте высказывания повелительных предложений. Проблема для анализа повелительных высказываний в терминах субъективной деятельности говорящего состоит в том, что повелительные предложения часто используются для выражения иных значений⁸, и повелительное высказывание, как считается, может обладать двумя иллокутивными силами [Серль 1986, с. 196]. Так, можно полагать, что повелительное предложение

- (5) *Веруйте, Братие, во имя Господа Иисуса от всего сердца; исповедуйте Его с непостыдным дерзновением...* [Илиодор, еп. 1839, с. 21–22]

употребляется с косвенной иллокутивной силой просьбы (см. работу [Прохватилова 2008], где значение просьбы для повелительных высказываний в проповеди считается нормой). Можно ли тогда предполагать, что слушающие интерпретируют такие высказывания сначала как собственно приказание, и только затем, вторично, — как просьбу? В [Лайонз 2003, с. 301] такое предположение оценивается как чрезвычайно неправдоподобное. Поскольку слушающие интерпретируют такие высказывания только как просьбу, или только как приказ, или только как предписание и т. д., т. е. с единственной иллокутивной силой, естественно сделать вывод, что в высказывании, в котором выполняется косвенный иллокутивный акт, мы имеем дело с одним иллокутивным актом, а не с двумя.

Необходимо объяснить, в каком статусе употребляется повелительное предложение с точки зрения иллокутивной силы. Вслед за [Лайонз 2003, с. 301, Серль 1986, с. 206], мы предлагаем следующее объяснение: косвенные речевые акты, выражением которых служит данное предложение, связаны с использованием выражений, употребление которых в высказываниях такого типа должно рассматриваться как идиоматичное. Критерием, по которому идиоматичные выражения отличаются от неидиоматичных, служит, по [Серль 1986, с. 206], то, что неидиоматичные эквиваленты⁹ не обладают тем же косвенным иллокутивным потенциалом, что и идио-

⁷ Дополнительный факт, осложняющий аргументацию, состоит в том, что проповедь в целом является назидательно-учительным жанром [Полный православный словарь 1900, с. 1920–1922; Библейская энциклопедия 1990, с. 582; Воскобойников 2005, с. 428], а прескриптивная часть проповеди — ее обязательное композиционное звено (см., например: [Розанова 2003, с. 358–361]).

⁸ «Класс “побудительных”... иллокутивных актов включает акты приказания, распоряжения, требования, просьбы, упрощения, мольбы, предписания, поручения, запрещения и другие» [Серль 1986, с. 222; Храковский 1990, с. 202].

⁹ Косвенным иллокутивным потенциалом обладают предложения с некоторыми специфическими формальными, стилистическими и семантическими свойствами. Так, предложения, ка-

матичные. По нашему мнению, в основу разграничения повелительных высказываний по их косвенному иллокутивному потенциалу может быть положен анализ того, возможна или нет речевая реакция адресата на выполнение или невыполнение действия (идея анализа предложена в [Храковский 1990, с. 186]). Возможность какой бы то ни было речевой реакции определяет неидиоматичность предложения и, соответственно, то, что иллокутивное значение совпадает с буквальным значением предложения. Это иллюстрируют примеры (6–6а):

- (6) — *Смотри же, не нарушай бесчинством и пьянством святости и величия светлого праздника Христова* [Роман (Загребнев), игум. 2007, с. 34].
— *Хорошо; извините, не смогу.
- (6а) — *Смотри же, не нарушай бесчинством и пьянством День ВДВ.*
— *Будет сделано; и не подумаю.*

Против такой гипотезы, однако, свидетельствуют примеры типа (7), показывающие, что признак идиоматичности не всегда поддается подобному анализу:

- (7) — *Покажите нам нашу комнату.*
— *Хорошо; извините, не смогу.*

Но говорить, что предложения типа (7) употребляются идиоматично, нельзя, потому что для них допустимы буквальные употребления, в которых они выступают не в качестве косвенных просьб (как это должно быть согласно [Серль 1986, с. 207]), а в качестве прямого речевого акта просьбы. Ср. (8), где имеется эксплицитный показатель просьбы *пожалуйста* в сочетании с совершенным видом, который, как отмечено в [Падучева 1996, с. 76], естественнее в этом речевом акте, чем несовершенный вид:

- (8) *Покажите нам, пожалуйста, нашу комнату.*

Кроме того, в связи с употреблением повелительного предложения в статусе идиоматичного выражения встает также и вопрос о том, что является первичным речевым актом для его высказывания. Предлагается следующий ответ. Языковым объектом для «первичного речевого акта» [Серль 1986, с. 198] необходимо считать глубинный перформатив. При ответе мы опираемся на перформативную гипотезу. В пользу этой гипотезы говорит прежде всего то, что на перформатив могут накладываться сильные ограничения со стороны грамматических элементов [Дэйвисон 1986], в частности парафраз повелительного предложения. Эти ограничения, по-видимому, сходны по своей роли с селективными ограничениями. Как и селективные ограничения, они блокируют некоторые интерпретации предложения как семантически аномальные и допускают другие как приемлемые. Поэтому на основе анализа в рамках перформативной гипотезы можно однозначно дифференцировать высказывания в качестве возможных или невозможных для говорящих в рамках данного дискурса, т. е. можно установить корпус, куда будут входить и реальные, и потенциальные высказывания. Мы используем анализ в рамках перфор-

сающиеся способности слушающего осуществить действие, относятся Серлем [Серль 1986, с. 206] к идиоматичным, а предложения, касающиеся желания или склонности слушающего произвести действие, — к неидиоматичным. Кроме этого, согласно Дж. Серлю, к неидиоматичным относятся предложения высокого стиля и характеризующиеся грамматической сложностью.

мативной гипотезы, принятый в теории речевых актов, согласно которому речевые акты — «директивы» имеют следующую семантическую структуру: «Я глагол тебе + ты Будущее глагол (NP)» [Серль 1986, с. 189]. Другими словами, перформативный анализ повелительных предложений в речевых актах в дискурсе должен представлять составляющие предложения так, что перформатив — иллокуция, а предложение с императивом — преконструкт.

Таким образом, при речеактовой интерпретации у повелительных высказываний есть некоторые важные свойства, допускающие их анализ в терминах асубъективности.

2.2. Интерпретация иллокутивной силы высказываний из проповеди на базе повелительных предложений

Проблема частных семантических интерпретаций императивного значения уже давно осознана исследователями (в [Вежбицкая 1985] есть ссылки на работы конца 60-х гг. XX в.). Проблема для анализа значений повелительных предложений состоит в том, что различия, в частности между приказами, просьбами и советами, определяются по интонации [Вежбицкая 1985, с. 256]. Однако правила интонации не являются полностью кодифицированными и не могут исключить возможность неправильной интерпретации в каких-либо контекстах [Лайонз 2003, с. 25]. На материале православной проповеди исследование значений повелительных высказываний по интонации проведено в работе [Прохватилова 2008]; интонация рассматривается исследователем как механизм прямого выражения намерения говорящего. Согласно этой работе, одни повелительные предложения в проповедях употребляются как высказывания со значением требования, другие — со значением совета, пожелания. В примерах (9–10) (из [Прохватилова 2008]) в (9) выражается требование, если это ИК-2 [Русская грамматика, т. I 1980, с. 111]; в (10) — совет, пожелание, если это ИК-3 [там же]:

(9) *Вернитесь опять на эти слова, облекитесь в милосердие...*

(10) *Господь говорит: «Не верьте им...»*

Нам «интонационный» подход для интерпретации повелительных высказываний в проповеди кажется недостаточно обоснованным в следующих отношениях. Во-первых, в проповеди явно прослеживается влияние религиозной идеологии на функционирование общенародного языка, чего нет в большинстве других жанров церковно-религиозного стиля. Так, только здесь отмечается явление «остранения» говорящего [Розанова 2003, с. 352], которое обусловлено тем, что священник говорит как бы не от своего имени [Мишланов, Салимовский 2010]. Проповедь — это голос действующей в пастыре благодати [Феодосий, еп. 1999] (что дает возможность характеризовать проповедь как не риторический жанр [Бурцев 2012, с. 356–372]). Это не позволяет считать, что именно интонационная структура кодирует значение предложения, в силу которого оно употребляется как приемлемое или неприемлемое в религиозной сфере. Во-вторых, если предполагать, что значение высказывания формируется наложением интонационного контура на грамматическую структуру предложения, то следует также предполагать, что в высказываниях проповедника интонационно могут выражаться такие стороны содержания, в силу которых слушающий способен представить объекты, о которых говорится в про-

поведи, произвольно, а не так, как это вытекает из содержания преконструкта. Кроме того, в принципе неясно, существуют ли какие-то различительные средства интонации, которые могут модифицировать язык проповеди так, что их можно будет рассматривать как выражающие особое значение в сравнении с соответствующими письменными формами.

Таким образом, предположение о том, что в проповеди в повелительных высказываниях можно обнаружить разные частные значения по интонации, кажется не соответствующим действительности. Нам представляется более эмпирически обусловленной гипотеза о том, что иллокутивная сила производна от языкового значения [Демьянков 1986, с. 228]. В нашей работе делается попытка вписать перформативный анализ в вариант этой гипотезы Д. Гордона и Дж. Лакоффа. Согласно работе [Демьянков 1986, с. 228], в варианте Д. Гордона и Дж. Лакоффа постулируется взаимно-однозначное соответствие между иллокутивной силой высказывания и его поверхностно-синтаксической формой. Думаем, что при нашем подходе мы ничего не изменим в этом варианте по сути, если будем выводить значение речевых актов не из повелительного предложения, а из его парафраз, используя вместо постулатов значения прагматические правила императивного вывода. В пункте 3 мы проанализируем наши данные в свете высказанных положений.

3. Асубъективация в повелительных высказываниях в проповеди

В качестве прагматических и логических правил императивного вывода в литературе рассматриваются правила удовлетворительности и субъективной обоснованности [Карпов 2013; Хилпинен 1986]. Наше описание максимально абстрагируется от дедуктивных схем правил вывода, принятых в логике, и в первую очередь старается учесть референциальные свойства повелительных предложений, следуя работе [Анри 1999], т. е. максимально учитываются те эффекты значения повелительного предложения, которые можно выявить его парафразами при перформативном представлении.

Правило удовлетворительности, выдвинутое, в частности, Э. Кенни [Карпов 2013], состоит в том, что удовлетворительным является тот императив, реализация которого в будущем сделает некоторое желание или множество желаний говорящего исполненным. Применяя это правило к нашему материалу, мы получаем, что единственным иллокутивным актом повелительного высказывания в проповеди является «просьба/совет», а не «приказ/требование». Рассмотрим примеры типа (11a–11б):

- (11) *Вернитесь опять на эти слова* [Роман (Загребнев), игум. 2007].
- (11a) **Я приказываю вам (требую от вас) + вы будете возвращаться на эти слова.*
- (11б) *Я прошу вас + чтобы вы вернулись на эти слова (так как вы еще не вернулись).*

Согласно правилу удовлетворительности, для высказывания (11) в проповеди возможна только структура (11б), но не (11а). Если бы в проповеди предложение (11) было использовано в значении (11а), то исполнение императива вступало бы в противоречие с действием соответствующего слушателя, т. е. правило удовлетворительности не выполнялось бы. Делая такой вывод, мы совершенно отвлекаемся

от прагматики, т. е. от вопроса о том, может или не может проповедник что-либо требовать от слушателя. Мы опираемся исключительно на то, что выполнение действия слушателем в (11а) отнесено к плану будущего, и в такой перспективе оно невозможно для языка проповеди, поскольку будет нивелировать те аспекты речи проповедника, которые связаны с убеждением. Высказывание *Вы будете возвращаться на эти слова*, соотношенное с реалиями жизни, обречено иметь невыполненные пресуппозиции: кто-то, по разным причинам, все-таки *не вернется на эти слова*; следовательно, неправильно считать, что проповедник, строя речевое сообщение, нацеленное на выполнение действия, заранее признает свое сообщение неудовлетворительным, не имеющим обязанностей по отношению к некоторому действию.

Данные примеры ставят под сомнение тот тезис, что в проповеди повелительные высказывания вообще могут иметь какое-то иное значение, кроме значения просьбы / совета. Других примеров не приводим, потому что мы имеем дело с дискурсом: примеры типа (11а–11б) неизбежно описывают весь класс повелительных предложений в проповеди¹⁰.

Таким образом, мы доказали, что только иллокутивное значение просьбы / совета возможно в качестве результата локутивной деятельности говорящего при построении повелительного высказывания в проповеди. Значение приказа / требования разрушает приемлемость высказываний данных предложений в проповеди, что свидетельствует об ограничениях на осуществление намерений говорящего при производстве данных высказываний.

Теперь рассмотрим правило субъективной обоснованности. При речевой дейктической интерпретации императив должен быть обоснован пропозициональными установками говорящего, которые определяют не только появление императива, но и возможность его отмены. В терминах логического вывода субъективно обоснованным признается тот осуществленный императив, отрицание которого должно быть объявлено как неосуществленное [Карпов 2013]. Таким образом, значение приказа было бы приемлемо в проповеди, если бы таким же приемлемым было значение его отрицательного трансформанта. При дейктической интерпретации так оно и есть. Например, все утвердительные предложения (12) из разных стилей языка являются приемлемыми и отличаются от своих отрицательных трансформантов только отсутствием отрицания, никаких других смысловых противопоставлений между (12) и (12а) нет. Следовательно, значение императива в (12–12а) является субъективно обоснованным.

(12) *Выскажите свое отношение к санкциям; Протрите столик антибактериальной салфеткой; Идите домой в хату (НКРЯ); Одень меня в своё великопенье, Помилуй и спаси (Цветаева).*

(12а) **НЕ** *высказывайте свое отношение к санкциям; НЕ протирайте столик антибактериальной салфеткой; НЕ ходите домой в хату; НЕ одевай меня в своё великопенье, НЕ милуй и НЕ спасай.*

¹⁰ Дополнительный список повелительных предложений разбираемого типа не является необходимым для наших целей — из-за отсутствия какой-либо возможности найти различия между повелительными высказываниями в текстах проповеди.

Очевидно, что за пределами дискурса и для многих «неопределенно-референтных» повелительных предложений, адресованных неопределенно-референтному (любому) слушателю [Храковский 1990, с. 201], как в проповеди (см.: [Бурцев 2012, с. 336–350]), действует тот же самый коммуникативный механизм отмены императива:

(13) *Летайте самолетами Аэрофлота; На одну чашку положите одну чайную ложечку кофе и добавьте кипятка или молоко* (примеры из [Храковский 1990, с. 200–201]).

(13а) **НЕ** летайте самолетами Аэрофлота; **НЕ** кладите на одну чашку одну чайную ложечку кофе и **НЕ** добавляйте кипятка или молоко.

Не допускают отмены императива только высказывания, в которых глаголы обозначают не действия, а неконтролируемое состояние типа (14а):

(14) *Выздоровливайте, поправляйтесь* [Падучева 1996, с. 67].

(14а) **Не выздоравливайте, не поправляйтесь.*

В проповеди употребление повелительных предложений не подчиняется правилу субъективной обоснованности: в первую очередь из-за того, что локутивная деятельность говорящего, состоящая из отрицания императива, ведет к порождению неприемлемых в проповеди высказываний. Отрицательная трансформация (15а) предложения (15) показывает, до какой степени (15а) неприемлемо в проповеди (так же, как (14а) в речевом режиме) и насколько повелительное высказывание связано с другим субъектом. Т.е. мы утверждаем, что примеры типа (15а), в которых повелительное предложение употребляется неидиоматично, как результат локутивной деятельности говорящего субъекта речи, разрушают дискурс проповеди.

(15) *Готовьте свои души к вечной жизни ...* [Николай, митр. 1954, с. 65].

(15а) * *НЕ готовьте свои души к вечной жизни*¹¹.

Таким образом, в проповеди при производстве повелительных высказываний повелительное предложение используется идиоматично и его референция определяется интердискурсом, — т.е. повелительное предложение в составе повелительного высказывания в проповеди является преконструктом. Говорящий, употребляя повелительное предложение в проповеди, несмотря на то, что грамматически это класс предложений, характерная функция которых — выражение желания, выступает как носитель чужой точки зрения, которая доминирует над ним.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, повелительное предложение с точки зрения своей иллокутивной силы употребляется в проповеди идиоматично — в качестве косвенной просьбы /

¹¹ Неприемлемы также и следующие случаи: *Пожалуйста, не готовьте свои души к вечной жизни*, что является свидетельством асубъективации.

совета — и не может употребляться неидиоматично — со значением требования / приказа.

Во-вторых, конституирующим (первичным) речевым актом для высказывания повелительного предложения в проповеди является глубинный перформатив (со значением просьбы / совета). В пользу перформативной гипотезы говорит тот факт, что на перформатив накладываются сильные ограничения со стороны повелительного предложения и его парафраз, которые блокируют некоторые интерпретации повелительного высказывания как семантически аномальные (значения приказа / требования) и допускают другие как приемлемые (значения просьбы / совета).

В-третьих, применение правила удовлетворительности показывает, что в проповеди значение приказа / требования разрушает приемлемость высказываний данных предложений. Это говорит о подчиненном характере говорящего субъекта речи, который в дискурсном — не-речевом и не-дейктическом — режиме ограничен в выборе средств воздействия на слушателей. Применение правила субъективной обоснованности показывает, что в проповеди отрицательные императивы как субъективно обоснованные высказывания невозможны. Повелительные предложения используются идиоматично, так как их референция обязательно должна соответствовать интердискурсу. Повелительное предложение в составе повелительного высказывания в проповеди является преконструктом; говорящий, употребляя его, выступает как носитель чужой точки зрения, которая доминирует над ним.

В-четвертых, применительно к асубъективации можно говорить только о такой сфере ее действия, какой является производство высказываний в дискурсе; за пределами дискурса, в обычном коммуникативном режиме, референция предложения связана с личностью говорящего субъекта речи.

Источники

- Илиодор, еп. 1839 — Илиодор, епископ. *Словесное млеко или собрание слов, произнесенных к курской пастве Илиодором, епископом Курским и Белгородским*. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1839. Ч. 1. 195 с.; Ч. 192. 167 с.
- Менетров, свящ. 1905 — Менетров М., священник. *Пастырские наставления. Праздничные поучения*. М.: Изд. журн. «Воскресный день», 1905. 184 с.
- Николай, митр. 1954 — Николай, митрополит. *Слова и речи. (1950–1954 гг.): II–IV тт.* Т. 3. М.: Изд. Московской Патриархии, 1954. 487 с.
- Роман (Загребнев), игум. 2007 — Роман (Загребнев), игумен. *Учусь проповедовать. Книга третья. Проповеди, наставления, духовная поэзия*. Псков: Дом печати, 2007. 208 с.
- Шумов, прот. 1903 — Шумов Петр, протоиерей. *Сборник общепонятных поучений на все воскресные и праздничные дни, для чтения за богослужением и вне богослужения (числом 84)*. М.: Тип. И. Ефимова, 1903. 291 с.

Литература

- Анри 1999 — Анри П. “Относительные конструкции как связующие элементы дискурса.” *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. М.: Прогресс, 1999. С. 158–183.
- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. *Избранные труды*. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 766 с. — (Язык. Семиотика. Культура)
- Арутюнова 1990 — Арутюнова Н. Д. “Дискурс.” *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
- Бенвенист 2002 — Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
- Библейская энциклопедия 1990 — *Библейская энциклопедия*. Никифор, архимандрит (ред.). М.: ТЕРРА, 1990. 904 с.

- Блох 1977 — Блох М. Я. “Проблема тождества предложения в свете соотношения понятий синтаксиса, семантики и информации.” *Вопросы языкознания*. 3, 1977: 73–85.
- Бурцев 2012 — Бурцев В. А. *Дискурс русской православной проповеди: способы производства высказываний*. Дисс. ... док. филол. наук. ЕГУ им. И. А. Бунина. Елец, 2012. 447 с.
- Вежбицкая 1985 — Вежбицкая А. “Речевые акты.” *Лингвистическая прагматика*. М.: Прогресс, 1985. С. 251–275. — (Новое в зарубежной лингвистике; 16)
- Воскобойников 2005 — Воскобойников В. М. *Энциклопедический православный словарь*. М.: Эксмо, 2005. 544 с.
- Греймас, Курте 1983 — Греймас А. Ж., Курте Ж. “Семиотика. Объяснительный словарь теории языка.” *Семиотика*. Степанов Ю. С. (ред.). М.: Радуга, 1983. С. 483–550.
- Гусев 2005 — Гусев В. Ю. *Типология специализированных глагольных форм императива*. Дисс. ... канд. филол. наук. Науч. рук. В. А. Плунгян. Ин-т языкозн. РАН. М., 2005. 296 с.
- Демьянков 1986 — Демьянков В. З. “«Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы (Обзор направлений).” *Теория речевых актов*. М.: Прогресс, 1986. С. 223–234. — (Новое в зарубежной лингвистике; 17)
- Дэйвисон 1986 — Дэйвисон А. “Лингвистическое или прагматическое описание: размышление о «Парадоксе Перформативности».” *Теория речевых актов*. М.: Прогресс, 1986. С. 235–269. — (Новое в зарубежной лингвистике; 17)
- Карпов 2013 — Карпов Г. В. “Правила вывода в императивной логике.” *Логико-философские штудии*. 11 (2), 2013: 5–18.
- Квадратура смысла 1999 — *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. Серию П. (ред.). М.: Прогресс, 1999. 416 с.
- Кифер 1985 — Кифер Ф. “О роли прагматики в лингвистическом описании.” *Лингвистическая прагматика*. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 333–348.
- Лайонз 1978 — Лайонз Дж. *Введение в теоретическую лингвистику*. М.: Прогресс, 1978. 544 с.
- Лайонз 2003 — Лайонз Дж. *Лингвистическая семантика: Введение*. М.: Языки славянской культуры, 2003. 400 с.
- Ломтев 1958 — Ломтев Т. П. *Основы синтаксиса русского языка*. М.: Учпедгиз, 1958. 166 с.
- Мишланов, Салимовский 2010 — Мишланов В. А., Салимовский В. А. “Диалогичность церковно-религиозных текстов.” *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 6 (12), 2010: 24–29.
- Отье-Ревю 1999 — Отье-Ревю Ж. “Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе.” *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. М.: Прогресс, 1999. С. 54–94.
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. *Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)*. М.: Наука, 1985. 271 с.
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. *Семантические исследования. (Семантика времени вида в русском языке; Семантика нарратива)*. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с. — (Язык. Семиотика. Культура)
- Пешё, Фукс 1999 — Пешё М., Фукс К. “Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса.” *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. М.: Прогресс, 1999. С. 105–123.
- Полный православный словарь 1900 — *Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т.* Т. 2. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1900.
- Прохватилова 2008 — Прохватилова О. А. “Императивная парадигма современной духовной речи.” *Stil*. 7, 2008: 81–94.
- Розанова 2003 — Розанова Н. Н. “Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь.” *Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация*. Крысин Л. П. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 341–363.
- Русская грамматика 1980 — *Русская грамматика. В 2 т.* Шведова Н. Ю. (ред.). Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 788 с.
- Серию 1999 — Серию П. “Как читают тексты во Франции.” *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. М.: Прогресс, 1999. С. 12–53.
- Серию 1999 — Серию П. “Русский язык и анализ советского политического дискурса.” *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. М.: Прогресс, 1999. С. 337–383.
- Серль 1986 — Серль Дж. Р. “Косвенные речевые акты.” *Теория речевых актов*. М.: Прогресс, 1986. С. 195–222. — (Новое в зарубежной лингвистике; 17)

- Сербо 2003 — Сербо П. “Сравнение, тождество и имплицитная предикации.” *Логический анализ языка. Избранное. 1985–1995.* Арутюнова Н. Д., Спиридонова Н. Ф. (ред.). М.: Индрик, 2003. С. 282–295.
- Степанов 1995 — Степанов Ю. С. “Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности.” *Язык и наука конца 20 века.* М.: Ин-т языкозн. РАН, 1995. С. 34–72.
- Феодосий, еп. 1999 — Феодосий, епископ Полоцкий и Глубоцкий. *Гомилетика. Теория церковной проповеди.* М.: Московск. Духовная Акад., 1999. 81 с.
- Хилпинен 1986 — Хилпинен Р. “Семантика императивов и деонтическая логика.” *Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка.* М.: Прогресс, 1986. С. 300–317. — (Новое в зарубежной лингвистике; 18)
- Храковский 1990 — Храковский В. С. “Повелительность.” *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность.* Л.: Наука, 1990. С. 185–238.
- Якобсон 1972 — Якобсон Р. О. “Шифтеры, глагольные категории и русский глагол.” *Принципы типологического анализа языков различного строя.* М.: Наука, 1972. С. 95–113.

Для цитирования: Бурцев В. А. Проблема субъективности высказывания в дискурсе на примере повелительных предложений // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 567–582. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.406>

Text sources

- Илиодор, еп. 1839 — Iliodor, bishop. *Slovesnoe mleko ili sobranie slov, proiznesennykh k kurskoi pastve Iliodorom, episkopom Kurskim i Belgorodskim* [Work milk or collection of words uttered by the bishop of Kursk and Belgorod Iliodor to Kursk flock]. St. Petersburg: A. Pliushar Publ, 1839. Ch. 1. 195 p.; Ch. 192. 167 p. (Russian)
- Менетров, свящ. 1905 — Menetrov M., priest. *Pastyrskie nastavleniia. Prazdnichnye poucheniia* [Pastoral guidance. Festive preachment]. Moscow: Voskresnyi den, 1905. 184 p. (Russian)
- Николай, митрп. 1954 — Nikolai, metropolitan. *Slova i rechi. (1950–1954 gg.): II–IV vols.* [Words and speeches. Vol. 2–4]. Vol. 3. Moscow: Moscow Patriarkhia Publ., 1954. 487 p. (Russian)
- Роман (Загребнев), игум. 2007 — Roman (Zagrebnev), hegumen. *Uchus' propovedovat'. Kniga tret'ia. Propovedi, nastavleniia, dukhovnaia poeziiia* [Learning to preach. Book 3. Sermons, guidance, spiritual poetry]. Pskov: Dom pechati, 2007. 208 p. (Russian)
- Шумов, прот. 1903 — Shumov Petr, archpriest. *Sbornik obshcheponiatnykh pouchenii na vse voskresnye i prazdnichnye dni, dlia chteniia za bogoslužheniem i vne bogoslužheniia (chislom 84)* [Collection of the guidance for Sunday and festive days to read during the sermon and beyond]. Moscow: I. Efimov Publ., 1903. 291 p. (Russian)

References

- Анри 1999 — Henry P. “Otnositel'nye konstruksii kak sviazuiushchie elementy diskursa [Relative constructions as cohesive elements of discourse].” *Kvadratura smysla: Frantsuzskaia shkola analiza diskursa* [Quadrat of the meaning: French analysis of discourse]. Moscow: Progress, 1999. P. 158–183. (Russian)
- Апресян 1995 — Apresian Iu. D. *Izbrannye trudy.* Vol. 2. Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografia [Selected works. Vol. 2. Integral description of language and system lexicography]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1995. 766 p. — (Language. Semiotics. Culture) (Russian)
- Арутюнова 1990 — Arutiunova N. D. “Diskurs [Discourse].” *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1990. P. 136–137. (Russian)
- Бенвенист 2002 — Benveniste E. *Obshchaia lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Editorial URSS, 2002. 448 p. (Russian)
- Библейская энциклопедия 1990 — *Bibleiskaia entsiklopediia* [Bible encyclopedia]. Nikifor, archimandrite (ed.). Moscow: TERRA, 1990. 904 p. (Russian)
- Блох 1977 — Blokh M. Ia. “Problema tozhdestva predlozheniia v svete sootnosheniia poniatii sintaksisa, semantiki i informatsii [Problem of equivalence of the sentence in syntax, semantics, and information].” *Voprosy Jazykoznanija — Topics in the Study of Language.* 3, 1977: 73–85. (Russian)

- Бурцев 2012 — Burtsev V. A. *Diskurs russkoi pravoslavnoi propovedi: sposoby proizvodstva vyskazyvanii* [Discourse of the Russian Orthodox preaching: Means of utterance production]. The thesis for Doctor of Philology. Yelets State Ivan Bunin University, Yelets, 2012. 447 p. (Russian)
- Вежицкая 1985 — Wierzbicka A. “Rechevye akty [Speech acts].” *Lingvisticheskaia pragmatika*. Moscow: Progress, 1985. P. 251–275. — (Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in the foreign linguistics]; 16) (Russian)
- Воскобойников 2005 — Voskoboinikov V. M. *Entsiklopedicheskii pravoslavnyi slovar'* [Encyclopedic Orthodox dictionary]. Moscow: Eksmo, 2005. 544 p. (Russian)
- Греймас, Курре 1983 — Greimas Al. J., Courtés J. “Semiotika. Ob'iasnitel'nyi slovar' teoriiazyka. [Semiotics. Explanatory dictionary of the theory of language].” *Semiotika* [Semiotics]. Stepanov Iu. S. (ed.). Moscow: Raduga, 1983. P. 483–550. (Russian)
- Гусев 2005 — Gusev V. Iu. *Tipologiiia spetsializirovannykh glagol'nykh form imperativa* [Typology of specialized verb forms of the imperative]. The thesis for Doctor of Philology. Advisor V. A. Plungian. The Institute of Linguistics, RAS. Moscow, 2005. 296 p. (Russian)
- Демьянков 1986 — Dem'iankov V. Z. “«Teoriiia rechevykh aktov» v kontekste sovremennoi zarubezhnoi lingvisticheskoi literatury (Obzor napravlenii) [«Theory of speech acts» in the contemporary foreign linguistic literature (Overview of the approaches)].” *Teoriiia rechevykh aktov* [Theory of speech acts]. Moscow: Progress, 1986. P. 223–234. — (Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in the foreign linguistics]; 17) (Russian)
- Дэйвисон 1986 — Davison A. “Lingvisticheskoe ili pragmaticheskoe opisaniie: razmyshlenie o «Paradokse Performativnosti» [Linguistic or pragmatic description in the context of the performativity].” *Teoriiia rechevykh aktov* [Theory of speech acts]. Moscow: Progress, 1986. P. 235–269. — (Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in the foreign linguistics]; 17) (Russian)
- Карпов 2013 — Karpov G. V. “Pravila vyvoda v imperativnoi logike [Rules of conclusion in the imperative logic].” *Logiko-filosofskie shchudii* [Logical and philosophical studies]. 11 (2), 2013: 5–18. (Russian)
- Квадратура смысла 1999 — *Kvadratura smysla: Frantsuzskaia shkola analiza diskursa* [Quadrat of the meaning: French school of discourse analysis]. Serio P. (ed.). Moscow: Progress, 1999. 416 p. (Russian)
- Кифер 1985 — Kiefer F. “O roli pragmatiki v lingvisticheskom opisanii [On the role of pragmatics in linguistic description].” *Lingvisticheskaia pragmatika* [Linguistic pragmatics]. Moscow: Progress, 1985. P. 333–348. — (Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in the foreign linguistics]; 16) (Russian)
- Лайонз 1978 — Lyons J. *Vvedenie v teoreticheskuiu lingvistiku* [Introduction into theoretical linguistics]. Moscow: Progress, 1978. 543 p. (Russian)
- Лайонз 2003 — Lyons J. *Lingvisticheskaia semantika: Vvedenie* [Linguistic semantics: Introduction]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003. 400 p. (Russian)
- Ломтев 1958 — Lomtev T. P. *Osnovy sintaksisa russkogo iazyka* [Fundamentals of the syntax of the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz, 1958. 166 p. (Russian)
- Мишланов, Салимовский 2010 — Mishlanov V. A., Salimovskii V. A. “Dialogichnost' tserkovno-religioznykh tekstov [Dialogueness of the religious texts].” *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiiia — Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 6 (12), 2010: 24–29. (Russian)
- Отъ-Ревю 1999 — Authier-Revuz J. “Iavnaiia i konstitutivnaia neodnorodnost': k probleme drugogo v diskurse [Overt and constitutional inhomogeneity: Towards the problem of other in the discourse].” *Kvadratura smysla: Frantsuzskaia shkola analiza diskursa* [Quadrat of the meaning: French school of the discourse analysis]. Moscow: Progress, 1999. P. 54–94. (Russian)
- Падучева 1985 — Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu (Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)* [Utterance and its relation to the reality (Referential aspects of the semantics of the pronouns)]. Moscow: Nauka, 1985. 271 p. (Russian)
- Падучева 1996 — Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniia. (Semantika vremeni vida v russkom iazyke; Semantika narrativa)* [Semantics studies (Semantics of tense and aspect in the Russian language; Semantics of the narrative)]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1996. 464 p. — (Language. Semiotics. Culture) (Russian)
- Пешё, Фукс 1999 — Pêcheux M., Fuchs C. “Itogi i perspektivy. Po povodu avtomaticheskogo analiza diskursa [Results and prospects. On the automatic discourse analysis].” *Kvadratura smysla: Frantsuzskaia shkola analiza diskursa* [Quadrat of the meaning: French school of the discourse analysis]. Moscow: Progress, 1999. P. 105–123. (Russian)

- Полный православный словарь 1900 — *Polnyi pravoslavnyi bogoslovskii entsiklopedicheskii slovar* [Complete Orthodox theological encyclopedic dictionary]: In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg: P. P. Soikin Publ., 1900. (Russian)
- Прохватилова 2008 — Prokhvatilova O. A. *Imperativnaia paradigma sovremennoi dukhovnoi rechi* [Imperative paradigm of the contemporary spiritual speech]. *Stil*. 7, 2008: 81–94. (Russian)
- Розанова 2003 — Rozanova N. N. “Sfera religioznoi kommunikatsii: khramovaia propoved’ [Sphere of the religious communication: Sermon].” *Sovremennyi russkii iazyk: Sotsial’naia i funktsional’naia differentsiatsiia* [Contemporary Russian language: Social and functional differentiation]. Krysin L. P. (ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul’tury, 2003. P. 341–363. (Russian)
- Русская грамматика 1980 — *Russkaia grammatika* [Russian grammar]: In 2 vols. Shvedova N. Iu. (ed.). Vol. 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiia. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Phonetics. Phonology. Stress, Intonation. Word-Formation. Morphology]. Moscow: Nauka, 1980. 788 p. (Russian)
- Серю 1999 — Serio P. “Kak chitaiut teksty vo Frantsii [How we read texts in France].” *Kvadratura smysla: Frantsuzskaia shkola analiza diskursa* [Quadrat of the meaning: French school of the discourse analysis]. Moscow: Progress, 1999. P. 12–53. (Russian)
- Серю 1999 — Serio P. “Russkii iazyk i analiz sovetskogo politicheskogo diskursa [Russian language and analysis of the Soviet political discourse: Analysis of nominalization].” *Kvadratura smysla: Frantsuzskaia shkola analiza diskursa* [Quadrat of the meaning: French school of the discourse analysis]. Moscow: Progress, 1999. P. 337–383. (Russian)
- Серль 1986 — Searle J. R. “Kosvennye rechevye akty [indirect speech acts].” *Teoriia rechevykh aktov* [Theory of speech acts]. Moscow: Progress, 1986. P. 195–222. — (Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in the foreign linguistics]; 17) (Russian)
- Серьо 2003 — Serio P. “Sravnenie, tozhdestvo i implitsitnaia predikatsi [Comparison, equivalence and implicit predication].” *Logicheskii analiz iazyka. Izbrannoe* [Logical analysis of the language. Selected works]. 1985–1995. Arutiunova N. D., Spiridonova N. F. (eds.). Moscow: Indrik, 2003. P. 282–295. (Russian)
- Степанов 1995 — Stepanov Iu. S. “A’ternativnyi mir. Diskurs. Fakt i printsip prichinnosti. [Alternative world. Discourse. Fact and principle of Causality].” *Iazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and science of the late 20th century]. Moscow: The Institute of Linguistics, RAS, 1995. P. 34–72. (Russian)
- Феодосий, еп. 1999 — Feodosii, bishop. *Gomiletika. Teoriia tserkovnoi propovedi* [Homiletics. Theory of the church sermon]. Moscow: Moscow Spiritual Academia, 1999. 81 p. (Russian)
- Хилпинен 1986 — Hilpinen R. “Semantika imperativov i deonticheskaia logika [Semantics of the imperatives and deontic logic].” *Logicheskii analiz estestvennogo iazyka* [Logical analysis of natural language]. Moscow: Progress, 1986. P. 300–317. — (Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in the foreign linguistics]; 18) (Russian)
- Храковский 1990 — Khrakovskii V. S. “Povelitel’nost’ [Imperativeness].” *Teoriia funktsional’noi grammatiki. Temporal’nost’. Modal’nost’* [Theory of the functional grammar. Tense. Modality]. Leningrad: Nauka, 1990. P. 185–238. (Russian)
- Яacobсон 1972 — Iakobson R. O. “Shiftery, glagol’nye kategorii i russkii glagol [Shifters, verb categories and Russian verb].” *Printsipy tipologicheskogo analiza iazykov razlichnogo stroia* [Principles of the typological analysis of the languages of different structures]. Moscow: Nauka, 1972. P. 95–113. (Russian)

For citation: Burtsev V. A. The Problem of Subjectivity in a Discourse in Terms of Imperative Sentences. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 4, pp. 567–582. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.406>

Статья поступила в редакцию 30 мая 2016 г.
Статья рекомендована в печать 22 марта 2017 г.